

Не признающие границ де-факто государства

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 374

Август 2015

Харрис Милонас¹

Университет Джорджа Вашингтона

Ариэль Ахрам²

Политехнический университет Виргинии

Де-факто государства – это политические образования, которые контролируют территорию, но не имеют международного признания. Такого рода образования подрывают принципы нерушимости границ и территориальной целостности во многих отношениях. Само существование де-факто государств является бельмом на глазу для современной системы государств в целом. Выпадение одного государства становится лишь первым шагом на опасном пути, который недавно был обозначен некоторыми как «косовский прецедент». Будучи поощрёнными однажды, сепаратистские движения угрожают разрушить любое государство, особенно такое, чьё происхождение основано на зыбких основаниях колониального прошлого. В конечном счёте, рухнуть может вся международная система.

В настоящей аналитической записке мы проводим различие между де-факто государствами с ограниченными и неограниченными территориальными рамками в соответствии с критерием разного отношения различных государств такого рода к основополагающим принципам международного порядка. Большинство де-факто государств определённо имеют ограниченные территориальные рамки. Их правящие элиты заявляют свои претензии на определённую территорию и выводят свою легитимность из чётко определяемого понятия народа. Напротив, не ограничивающие своих притязаний де-факто государства не признают территориальных рамок в своём представлении о народе. Как де-факто государства с ограниченными, так и государства с неограниченными территориальными рамками неизбежно руководствуются эксклюзивистскими определениями народа. Однако связывающие себя обязательствами де-факто государства выдвигают по сути ограниченные и связанные с суверенитетом притязания от имени некоей «основной группы». Подобные основные группы обычно определяются этническими, религиозными, лингвистическими, племенными, расовыми признаками, а также (или) культурными практиками. Не ограниченные территориальными рамками

¹ [Харрис Милонас](#) - преподаватель политологии и международных отношений Университета Джорджа Вашингтона.

² [Ариэль Ахрам](#) – доцент программы управления и международных дел Политехнического университета Виргинии.

государства руководствуются столь же дискриминационными нарративами по поводу основной группы, но со своей спецификой: их притязания имеют глобальный характер. Такого рода безграничные нарративы приобретают множество форм и сторонников, примерами чего служат мировой пролетариат в коммунистическом нарративе и, более недавний, нарратив исламской уммы (общины) для Исламского государства.

Нанося ущерб тем странам, которые прежде охватывали их территории, существование ограниченных территориальными рамками де-факто государств не указывает на крах международной системы в целом. Напротив, не ограничивающие себя территориальными рамками де-факто государства, хотя и являясь редким феноменом, подрывают всю систему международных отношений. Такие политические образования, как Исламское Государство со своими религиозными основаниями, подобно многим появившимся ранее революционным государствам и/или организациям безусловно являются ревизионистскими игроками системы международных отношений, стремящимися демонтировать сами основания государственного суверенитета. Однако с течением времени эти не ограничивающие себя территориальными рамками игроки могут постепенно усвоить правила игры, примириться с международной системой и интегрироваться в неё.

Ограничивающая и не ограничивающая себя де-факто государственность

Большинство де-факто государств имеют скромные амбиции. Они противостоят конкретным формам государственности, но склонны принимать многие из тех нормативных аспектов государственности, на которых основано международное сообщество. Поскольку де-факто государства добиваются равного статуса и признания в системе международных отношений, они воспроизводят и подтверждают многие из её базовых принципов. Они стремятся показать, что могут соблюдать правила игры.

Разумеется, де-факто государства позиционируют себя перед международным сообществом различными способами, стремясь конвертировать свой фактический контроль над властью в признание международного сообщества. Эти попытки зачастую ориентированы на апеллирование к конкретным внешним покровителям. На постсоветском пространстве такие де-факто государства, как Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия и Приднестровье в процессе отстаивания своей легитимности сделали ставку на поддержку со стороны России и на подражание ей. В своей борьбе за отделение от России в 1990-х годах Чеченская Республика Ичкерия во всё более возрастающей степени ориентировалась на получение поддержки со стороны таких исламских государств, как Саудовская Аравия, Катар и Афганистан.

На Ближнем Востоке де-факто государства часто вырабатывали выражено проамериканский имидж. Курдское региональное правительство в Ираке десятилетиями представляет себя в качестве форпоста плюралистической демократии, несмотря на явную коррумпированность правящей дуополии Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана. Появившийся недавно Роджава (Западный Курдистан) позиционирует себя в качестве уникальной версии многоэтничной представительной демократии. Наконец, непризнанный Ливийский всеобщий

национальный конгресс в Триполи и его коалиция «Рассвет Ливии» изображают себя столпами в кампании против исламского экстремизма.

В целом, государственность является чрезвычайно привлекательной формой политического управления, основанного на монополии легитимного насилия в рамках конкретных границ. Даже те группы, которые не заинтересованы в государственности или подвергают сомнению территориальные рамки государственной власти и принадлежность к нации, в конечном счёте зачастую втягиваются в воспроизведение этого. В то время как государства могут пытаться мобилизовать диаспоры и родственные этнические группы за рубежом, они часто приходят в итоге к защите суверенных прерогатив и укреплению территориальных рамок своей власти.

Существует, однако, другой тип де-факто государств – не ограничивающие себя государства, - что представляется гораздо более значительной угрозой системе международных отношений. Такого рода де-факто государства безусловно являются ревизионистскими игроками международной системы. Они не ограничены территориальными рамками и основаны на менее материальных и более символических формах национальной идентичности. В этом смысле они могут походить на террористические и криминальные сети, однако террористы, преступники или же полевые командиры могут делить пространство с другими политическими силами или же обитать в серых зонах государственного контроля. Де-факто государства, напротив, требуют безусловного контроля над территорией. Отличительной чертой от не ограничивающих себя де-факто государств является то, что они рассматривают свои территориальные границы в качестве временных, а не окончательных; они не ожидают конца своей экспансии. Это, в особенности, происходит в тех случаях, когда содержание системы их убеждений является слишком широким и универсалистским, чтобы быть ограниченным территориальными рамками. Как выразился Дэвид Армстронг в своей работе «Революция и мировой порядок», они имеют «двойную идентичность» в качестве и определённых территориальными рамками государств, и «центров потенциальных глобальных движений». Для такого рода государств потребность в экспансии диктуется их мотивирующими доктринами, в то же время консолидация власти внутри территориального ядра является для них серьёзным вызовом.

Возникновение не ограничивающих себя де-факто государств

Как возникают не ограничивающие себя де-факто государства и каково их влияние на международную систему государств? Множество факторов обеспечивает уникальные условия для возникновения не ограничивающих себя де-факто государств. Первым и самым очевидным фактором является ослабление того государства, из которого выделяется сецессионистское образование. Во-вторых, это ослабление региональных иерархических и властных структур, которые могли бы подавить своих соперников в лице не ограничивающих себя де-факто государств. Такая ситуация позволяет ревизионистским де-факто государствам отделиться и создать новые территориальные институты. Наконец, сами лидеры де-факто государств отказываются от территориального разграничения, имея такое представление о сообществе, которое основано на экстратерриториальных связях, таких как убеждения, вера или класс. То, при каких обстоятельствах влияние этих

факторов угасает, также определяет жизнеспособность не ограничивающих себя де-факто государств.

Имеются исторические примеры возникновения подобных акторов. Французские революционеры, как предупреждал Эдмунд Бёрк, не признают территориальных рамок своим усилиям в деле распространения идей свободы, равенства и братства по всему миру. Аналогичным образом, после захвата власти в России в 1917 году, большевики заявили о своей приверженности идее мировой революцией рабочего класса против капиталистов и феодалов. Цель революции не являлась новой, новой была возможность преследовать её в период после Первой мировой войны, когда империалистические державы были разорваны на части. Поскольку в системе международных отношений произошла перегруппировка и возникли новые государства, структурное давление вынудило Советский Союз стать более осторожным в своей приверженности интернационализму. Вместо экспортёра революции советское руководство стало строителем государства, взяв курс на построение коммунизма в отдельно взятой стране.

Сходная история прослеживается в случае с ваххабитским движением на Аравийском полуострове. Ваххабиты объявили себя носителями единственно верной интерпретации ислама в глобальном масштабе, считая всех остальных неверующими и отступниками. Воспользовавшись постепенным ослаблением османского господства, ваххабиты создали ряд альянсов с династией Саудитов в Недже и расширили свой политический контроль. Первое саудитско-ваххабитское «государство» образовалось в 1744 году и существовало до 1818 года, когда вице-король Египта Мухаммед Али-паша разрушил его. Второе саудитско-ваххабитское государство существовало с 1824 года почти до рубежа XX века, однако оно постоянно страдало от противостояния с кланом аль-Рашид. Третье и существующее вплоть до настоящего времени саудитско-ваххабитское государство возникло в 1902 году в Недже, освободило аль-Хассу от османского контроля в 1913 году и, наконец, взяло Мекку и Медину в 1924 году в период хаоса после окончания Первой мировой войны. Ваххабитские ополченцы, известные как ихваны («братья»), не признавали границ в распространении своей революции и насаждении идеологии, атакуя даже священные для шиитов места в управляемом Британской империей Ираке. В конечном счёте, Ибн Сауд был вынужден распустить и цивилизовать этих ополченцев, а также ограничить свои амбиции территориальными рамками.

В настоящее время Исламское Государство (ИГ), по-видимому, стоит перед сходной дилеммой. Его возвышение следует рассматривать в совокупности и в сравнении с возвышением «Аль-Каиды» (АК) - организацией, от которой ИГ отделилось. АК начала свою деятельность в качестве координационного комитета для тех арабов, которые прибывали в Афганистан для участия в боевых действиях в 1980-е и позже в период гражданской войны в 1990-х. Под руководством Усамы бен Ладена миссия АК расширилась до содействия джихаду во всём мире. Будучи панисламской в широком контексте и многонациональной по своему составу, «Аль-Каида» не признавала каких-либо территориальных рамок для своей деятельности и отвергала разделение мусульман «нелегитимными псевдомусульманскими государствами». По этой причине АК представляла собой по сути не ограниченный территориальными рамками вызов системе международных отношений.

АК, однако, никогда не идентифицировала себя в качестве государства, позиционируя себя вместо этого в качестве организационной основы (*каеда*) для глобальной исламской революции. Она стремилась наладить союзнические отношения с государствами сначала в Судане, а затем в Афганистане и Пакистане. В каждом из этих мест глобалистские устремления АК плохо сочетались с интересами и требованиями тех государств, в которых она базировалась. И всё же территориальная логика оказалась неотразимой даже для АК: к середине 2000-х гг. АК начала создавать новые ячейки, а также в некоторых случаях признавать уже существовавшие джихадистские группы своей «франшизой». Таким образом, организационная структура АК стала воспроизводить те самые имеющие границы национально-территориальные образования, которые она стремилась преодолеть. Вопреки первоначальному намерению АК обеспечить глобальное объединённое революционное командование, франшизы боролись за власть друг с другом и с прочими исламистскими группировками. Вместо распространения модели универсалистского ислама АК пришла к воспроизведению той самой территориальной замкнутости, преодоление которой она провозглашала своей задачей.

ИГ отпало от АК в результате конфликта между преемником Бен Ладена в качестве глобального лидера «Аль-Каиды» Айманом аз-Завахири и ставшего руководителем АК в Ираке Абу Бакром аль-Багдади. Данный конфликт происходил вокруг вопроса о том, будет ли иракская «Аль-Каида» представлять всю АК в сирийской гражданской войне, либо же ей следует уступить эту роль Фронту аль-Нусра – другой группе, которую назначил для этой цели аз-Завахири. Аль-Багдади пытался вынудить Фронт аль-Нусра признать его контроль над территорией как свершившийся факт, провозгласив создание Исламского Государства Ирака и Леванта в 2013 году. После более чем года междоусобной борьбы аз-Завахири окончательно порвал с аль-Багдади в 2014 г.

Самопровозглашённый ИГ статус государства (*даула*) был ясным указанием на различие его приоритетов с приоритетами материнской организации. Наряду с планами АК относительно глобальной революции ИГ было также озабочено практическими вопросами управления. ИГ в своем первоначальном варианте, вероятно, признавало (по крайней мере, косвенно) некую форму территориальной границы. Хотя информация на этот счёт фрагментарна, свидетельства из контролируемых ИГ Эр-Ракки и Мосула отмечают множество сходств между установленным там порядком и государственностью в других частях арабского мира. Уполномоченные юристы выносят постановления, полиция задерживает и наказывает преступников, а налоговые инспекторы ищут контрабанду, хотя всё это происходит в рамках специфической и пуританской интерпретации исламских священных текстов. В финансовом отношении поступление доходов обеспечивается благодаря экспорту и контрабанде нефти. Как сообщается, ИГ запустило в обращение собственную валюту. Администраторы, инженеры и технократы из ИГ (многие из которых являются состоявшими в партии «Баас» иракскими суннитами) обеспечивают избирательное распределение ключевых ресурсов (включая воду, электричество, продовольствие и бензин) в пользу сторонников режима и наказание непокорных. Находящееся в зачаточном состоянии социальное государство обеспечивает предоставление услуг по охране здоровья и пенсии для моджахедов и членов их семей. Наконец, подобно Саддаму Хусейну и другим арабским авторитарным правителям, ИГ

поддерживает своё неопатриархальное господство посредством безжалостного применения сексуального насилия, дабы подчинить и запугать меньшинства.

В то время как ИГ определённо стремится создать ядро нового государства в зоне сирийско-иракской границы, оно становится всё менее соблюдающим границы в своём территориальном подходе. Аль-Багдади провозгласил себя халифом и прямым наследником Пророка, заявив о своих притязаниях на лидерство над всеми мусульманами мира. Некоторые из наиболее значительных военных лидеров ИГ, подобно Умару аш-Шишани, являются моджахедами со стажем из Чечни. ИГ не признаёт легитимность какого-либо другого исламского государства, утверждая, что в большинстве случаев эти государства имеют нелегитимное колониальное происхождение, либо такие границы, которые разделяют исламскую *умму*. Более того, джихадистские группы со всего мира, включая Кавказ и Центральную Азию, Ливию, Египет, Нигерию и Палестину, объявили о своей преданности ИГ. Вообще же, подобно ваххабитским ополченцам прошлого, ИГ настаивает на том, что рубежи его политического контроля являются лишь временными, а не окончательными границами. В конечном счёте, под флагом ИГ собираются правверные вне зависимости от их географического местоположения.

Как перенаправить энергию не признающих границы де-факто государств вовнутрь?

ИГ непреклонно в том, что его государственность не знает пределов. Примечательно, однако, что внутренние функции ИГ выглядят вполне типичными, по крайней мере, по стандартам остального арабского мира. Вопрос заключается в том, признает ли руководство ИГ чёткие территориальные границы и если признает, то при каких условиях.

Многие факторы могут вынудить не признающее границ де-факто государство более последовательно придерживаться логики территориальных рубежей. Проблемы внутреннего управления могут, в конечном счёте, перевесить импульс к территориальной экспансии, особенно если за такую экспансию придётся заплатить слишком большую экономическую, политическую или военную цену. Великие и региональные державы могут подтвердить важность нерушимости границ и вновь сплотиться для того, чтобы нейтрализовать стремящихся к построению государства, либо вынудить их приспособляться к определённым территориальным рамкам. В случае с ИГ окружающие его признанные государства уже сплотились для противостояния и противодействия ему. Военное поражение или экономическая конкуренция также может ослабить и, в конечном счёте, уничтожить не признающих границ претендентов на перераспределение власти в системе международных отношений посредством эволюционного процесса, в котором выживают лучше приспособленные. Более того, наличие у ИГ территориального плацдарма также означает, что в отличие от АК или других транснациональных террористических организаций, его можно более эффективно сдерживать и наказывать, если оно будет играть не по правилам. Могут работать и позитивные стимулы: упорные де-факто государства нередко подкупались покровительствующими странами, стремившимися сохранить мир и обуздать экспансионизм первых.

Важно отметить, что система международных отношений оказалась устойчивой и гибкой перед лицом экстратерриториальных вызовов со стороны не признающих границ акторов.

Многие из тех государств, которые в прочих отношениях признают границы, занялись регулярными экстратерриториальными практиками. Например, законы США против терроризма и отмывания денег применяются по всему миру, независимо от того, на американской ли территории было совершено преступление или нет. Все чаще многие государства имеющие обширные диаспоры, с которыми они взаимодействуют для получения политической и экономической поддержки. Таким образом, вопреки былым опасениям, не признающие границ де-факто государства могут быть легче ассимилированы в систему международных отношений.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org